

Татьяна ГОРОХОВА

НА КЛАДБИЩЕ

(отрывок из романа)

На следующее утро все поехали на кладбище Донского монастыря, хоронить урну. Был конец января. Погода стояла ветреная, колючая. Машина ехала по скользкому, обледенелому шоссе, и казалось, что конца и края ему не видно. Провожающих было пятеро: дьякон Петр, фотограф Палыч, соседка Людмила и брат покойной Анны Егор с женой Ксенией. Все они ехали молча и сосредоточенно о чем-то думали. Каждый о своем. Дьякон мысленно представлял Анну живой в ее любимом голубом платье в белый горошек, вспоминал их редкие встречи и ему становилось очень стыдно за то, что он так и не попрощался с ней по-человечески, за то, что оставил ее одну умирать.

Юрий Палыч размышлял о том, что умирать, не дождав-шись весны невероятно грустно, и что у железной Анны сын оказался такой слабак, хотя сам он еще неизвестно как бы отреагировал на смерть собственной матери. Его боевая старушка в свои 80 еще бегала по библиотекам и

театрам Москвы, заказывала редкие книги, писала критические статьи в районную газету «Протестант», а по вечерам читала «Робинзона Крузо», для души. «А солнце желтый саван ткёт вслед уходящей вдаль фигурке», — не раз думал с грустью сын о матери. Соседка Людка больше всех переживала. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что Анны больше нет, хотя в период болезни твердо верила, что она умрет. Людмила привыкла во всем сравнивать себя с Анной. Обе были одного возраста, обе матери-одиночки, правда, сын Анны Сергей лет на 5 старше ее Василия. Сравнивала соседка в основном уровень благосостояния, но не только материальный, а главным образом внутренний — душевный. В последнее время по этому уровню проигрывала как ни странно она, потому что у Анны была большая любовь, а у сына завелась подружка. Но большая любовь, как выяснилось, оказалась не такой уж большой, по крайней мере, с мужской стороны, а сын Сергей неизвестно, как покажет себя дальше, и останется ли с ним эта московская штучка, — еще бабушка надвое сказала. А вот у нее — у Людмилы — сын — старший видеооператор в Останкино, на Первом канале. Снимает видных людей-политиков и звезд эстрады, ездит в заграничные командировки. Сама она тоже не лыком шита: ладная, аккуратная, хозяйственная. Огород сажает вовремя и урожай снимает большой. Даже излишками в сентябре на рынке торгует. И управляетя сама, без всяких там дьяков. А то, что Анна всю жизнь инвалидом прожила, так ведь у нее, у Людки мать — слепая и неходячая десятый год уже с ней живет. Мало не покажется. Эх, да что сравнивать!

Брат Анны Егор ехал молча. Не ожидал он от сестры такой прыти. Быстро убралась. Теперь дом придется делить. Жена вчера ночью все уши прожужжала: оформляй да оформляй наследство. А как я оформлю, когда сын Анны Сергей — первый наследник! По всем законам, хотя по документам дом уже был поделен однажды их отцом на две части: две трети сестре и одну треть брату, хоть и обидно ему было, что не поровну. Только вот когда сестра Анна родила, взбеленился отец и хотел отобрать ее долю, но мать вступилась. Что-то теперь будет? Для них правда дом этот особо и не нужен, есть хорошая трехкомнатная

квартира в Москве, 15 лет назад Егор от завода получил. А так — летняя дача — дочери Ксюхе проветриться с внуками, а у Сергея, который здесь родился, другого дома нет. Не знал Егор, что через два года ему не понадобится уже ни дача, где он регулярно летом пьянствовал с друзьями, ни московская квартира. Тот же стандартный автобус с голубыми занавесочками в рюшечку на окнах отвезет брата — Егора на кладбище, к сестре.

Отец Анны — дед Сергея был по национальности немец, хотя всю жизнь тщательно это скрывал от своих близких и часто, пьяный бил себя в грудь и повторял: «Да русский я, растуды меня в качель». Деда похоронили 10 лет назад, и тогда же выкупили еще одно место, рядом. Думали, для бабки, но баба Маша умерла неожиданно от сердечного приступа в Крыму, куда любила ездить каждое лето. И там ее и похоронили. А место осталось. Вышло — для Анны.

Сторож объяснил провожающим, куда идти. Все пятеро двинулись по песчаной, присыпанной белой порошей, центральной дороге также молча, изредка поглядывая на серые каменные склепы с черными крестами и без цветов, на старинные надписи на латыни и чуждаясь, словно все чужое тут, в этом кладбищенском мире, друг друга. Этих людей, которые не были связаны между собой ничем, соединила на мгновение Анна. Даже мертвая она была как бы главная, и, подчеркивая свое превосходство над всеми, руководила процессом. Все шли и шли. Дьякон Петр нес урну с прахом, в лицо дул ветер с колючими снежинками, и всем казалось, что они никогда не дойдут до места. Предстояло еще копать промерзшую землю. О Сергее и Вере за все время так никто и не вспомнил. Они в это время жили отдельными жизнями. Сергея просто закрыли в доме и оставили отсыпаться, а Вера после всех передряг, нервотрепки и бессонных ночей уехала к родителям. Тоже отсыпаться. Но она в отличие от Сергея, точно знала день и час похорон, поэтому попросила маму разбудить ее. И в назначенное время, уже одетая, приготовилась ехать на метро, как вдруг зазвонил телефон.

— Алло, — Вера сняла трубку.

— Здравствуйте, это друг Сергея по армии. Я узнал вчера — у него умерла мама. Может быть нужна помощь. Мне

ваш телефон соседка дала. Людмила Сергеевна. Похороны, если я не ошибаюсь сегодня?

— Да, вот я как раз еду. А все уже там... Вера удивленно замолчала.

— А Вы где живете, сейчас я заеду за вами. И мы поедем вместе. Я на машине. Это недолго — голос звучал уверенно.

Поколебавшись, Вера согласилась. Уж очень она была измотана за последнюю неделю и случайный попутчик оказался кстати. Друг Сергея подъехал действительно быстро ровно через 15 минут. Он галантно открыл перед ней двери зеленого «Порша», вежливо предложил сигарету. С первого же взгляда Вера поняла, что понравилась ему, и, решила соблюдать дистанцию и не пускаться ни в какие откровенности. Вадим вел машину спокойно, уверенно, соблюдая все правила. Вера расслабилась, закурила. Но после первого же вопроса Вадима ей стало больно и как-то неловко за свою искренность.

— Как он?

— Плохо. Сорвался. Мы его дома закрыли. Переживает очень. Вчера рыдал.

— А Вы сами?

— Я ничего, нормально, только вот сердце болит.

— Сердце? А ну это пройдет.

— Не думаю...

— Что, так сильно зацепило?

— А я что, произвожу впечатление легкомысленной?

— Нет, но свободной женщины.

— Я люблю его.

— А что такое любовь?

— Состояние души...

— Нет, вы дайте мне определение любви, только не говорите про воздушные замки и цветочки.

— По-моему, это момент соединения.

— Соединения чего?

— Души и тела...

— Знаете, а что если я вас изнасилую сейчас, прямо в машине и Вы не будете против, и вам очень понравится, у нас будет обалденное соединение, я вам это гарантирую, а завтра будет новый день и Вы даже не вспомните обо

мне, это что — тоже любовь?

— Нет, это секс.

— А Вы что, разделяете любовь и секс?

— Да.

— А я нет.

— В таком случае, любовь — это процесс развития отношений.

— Каких отношений? Как же Вы сможете тогда не перепутать любовь и дружбу?

— Если хочет, значит любит. Если нет, то просто дружит.

— А, по-моему, любой нормальный мужик хочет всех и всегда.

— Если бы так было, как Вы говорите, я бы без автомата на улицу не выходила.

— Запомните, важно одно: никогда не меняйте любовь на дружбу.

— Бывает, что любовь и дружба совпадают.

— Ну не всегда же...

— Если настоящая любовь — почти всегда.

— Значит, ненастоящая — наслаждение, а настоящая — страдание?

— Ну не так прямолинейно, как Вы выразились, однако, когда приходит любовь, — тут без жертвы не обойтись.

— А Вы не стройте из себя великомученицу. Жалость — плохое чувство, спасти можно только любовью.

— В этом я с Вами полностью согласна, и еще я думаю, что любовь сильнее греха.

Вадим сделал резкий поворот, и они въехали на территорию кладбища. Вера вздрогнула. С одной стороны она была рада закончить этот мучительный для нее разговор. И как тогда в электричке, неохота было переползать из другой плоскости бытия и снова что-то говорить и делать и стоять на морозном этом ветру.

Вадим припарковал машину рядом с церквушкой и они пошли вдвоем все по той же большой дороге, по которой несколько минут назад люди проносили гробы. Только они шли по-другому: за время их короткого разговора в машине между ними образовалось единство и хрупкое понимание какой-то тайны, которая вечно ускользает. Если первой процессией руководила мертвая Анна, эти двое просто шли как мужчина и женщина. И Анна тут

была уже ни при чем. Вера как заведенная игрушка подошла к группе родственников и знакомых, поздоровалась, представила друга Сергея и молча стала в стороне. Мужчины начали копать землю, женщины распаковывали сумки, достали бутылку водки и бутерброды, а Вера пошла бродить по кладбищу, рассматривая старинные склепы и читая надписи на надгробиях. Она почувствовала себя снова хорошо и спокойно. И как-то легко, невероятная легкость охватила все ее тело, так, что хотелось взлететь. И главное — не было никаких мыслей и никакой суеты. Она бы так далеко зашла в своем полете наяву, как вдруг кто-то обнял ее за плечи. Удивленно обернувшись, она посмотрела на Вадима. А он невозмутимо взглянул ей в глаза, и слегка улыбнувшись, сказал:

— Ну что это вы размечтались у могилы пожилого ефрейтора, не по возрасту Вам еще. И тут же серьезно добавил: — Пора, Вера, пошли. Попрощайся.

Вера послушно, как маленькая, пошла за ним, подошла к могиле, взяла горсть земли, бросила на урну с прахом Анны, отвернулась и заплакала. Начали закапывать. Вадим дал ей выпить водки, зажег сигарету и после короткого прощания, посадил в машину и отвез домой к Сергею.

* * *

А дома у Анны и Сергея уже все было готово: стол накрыт, наготовлено всякой всячины, поставлены бутылки, и народ сидел и ждал, вот только сына не было. Сын спал. Первым поднялся дьякон Петр:

— Мир праху рабы Божией Анны, Царствие ей Небесное.

Выпили, закусили. Вера после всего пережитого опьянела быстро и захотелось ей сказать.

— А знаете что, она обратилась к Петру, она ведь вас очень любила и даже мне однажды сказала, что Вы — ее последняя любовь. Дьякон покраснел. Встал Палыч. Задумался на минуту и сказал то, чего от него совсем не ожидали.

— 12 сонет Шекспира переведен неправильно. Я перевел так:

– Все испытав, я б навсегда ушел,
Но крест любви спасительно тяжел.

– Понимаете, я думаю, – ей любви – то как раз и не хватало.

Все подавленно замолчали. Но потом перешли на другие темы, заговорили, загалдели все разом, так что уже нельзя было отличить похороны от пьянки, и Верочка, никак еще не могла оттаять от сжигания, от отсутствия Сергея, встала и пошла к нему.

Она вошла, посмотрела на безжизненное тело и сердце ее сжалось. Никогда ей еще не было так одиноко. Вера включила свет, и вдруг на самой верхней полке заметила необычное: на полке, аккуратно прислоненный к стене стоял крест из чего-то светлого как глина. Вера пригляделась, встала на стул и рассмотрела Распятие поближе. Удивительно, но оно было целиком вылеплено из хлеба, из хлебного мякиша, да так искусно, что Христос готов был сойти с креста.